ЛЕОНТЬЕВА Наталия Анатольевна

магистрант Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: nutruis@gmail.com

Реализация мотива пути в лирике Н. С. Гумилёва: попытка классификации

УДК 82-14 doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/65-71

В статье предлагается попытка авторской классификации такой категории лирической поэтики Н. С. Гумилёва, как мотив пути, и оценивается степень влияния этого мотива на развитие лирического сюжета. Автор выделяет аспекты отношений мотива пути и осуществляющего путь субъекта в качестве критериев классификации (активное/неактивное участие субъекта в инициировании и разворачивании пути, наличие/отсутствие результата пути, оценка пути и его результата, оценка хронотопа пути), с их учетом предлагается классифицировать реализации мотива пути. Классификация представляет отвлеченные модели реализации мотива пути в лирике Н. С. Гумилёва, которые могут сосуществовать в конкретном воплощении.

лирика,
Н. С. Гумилёв,
мотив,
путь,
классификация,
лирический сюжет

В лирике Н. С. Гумилёва мотив пути оказывается основным средством выражения темы поиска среди других однофункциональных мотивов (чтения, строительства, борьбы) [5, с. 7].

Возможность существования в лирической поэтике Н. С. Гумилёва самоценного и автономного инварианта мотива пути поставила перед нами вопросы о специфике его конкретных воплощений, их роли в разворачивании лирического сюжета. Для ответа на эти вопросы мы прибегли к классификации инварианта мотива пути в лирике Н. С. Гумилёва.

Отметим, что в гумилёвоведении уделяется внимание изучению мотива пути (поиска, движения). С разных точек зрения описывают этот мотив и его отдельные воплощения, например, В. С. Малых [7], А. В. Филатов [10], О. Улокина [9] и другие исследователи. Однако специальной классификации данного мотива, полностью охватывающей лирическое творчество Н. С. Гумилёва, нам найти не удалось. Предпринимая попытку авторской классификации, мы опирались на эмпирический подход – наблюдение и описание (анализ) заданных самим лирическим текстом *отношений между инвариантом мотива пути и субъектом, осуществляющим путь-поиск*. Комбинации отношений являются критериями, согласно которым производилась классификация. Классификация актуальна для лирики Н. С. Гумилёва и призвана по возможности объективно представить именно *варианты реализации мотива пути*, а не строго распределить стихотворения, так как в некоторых из них варианты могут контаминироваться.

Для цитирования:
Леонтьева И. Ю. Реализация мотива пути в лирике Н. С. Гумилёва: попытка классификации // Известия Восточного института. 2018. № 3. С. 65–71.
doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/65-71

Обратимся к критериям классификации:

1) **характер отношения** лирического субъекта (субъекта пути) к пути: *активность* (лирический субъект инициирует движение и совершает самостоятельный выбор пути, оказываясь собственно героем-искателем) / *неактивность* (путь организуется внешней силой, он предопределен). В стихотворениях, где герой *вовлечён* в движение, нет субъекта пути в полном смысле, т. к. возможность или невозможность начать движение *предопределена* *внегеройными факторами*, однако это не означает, что у героя нет цели или попыток борьбы с судьбой;

2) **характер результата** пути, т. е. влияние пути на состояние субъекта пути или на окружающий героя мир. Заметим, что стремление к изменению имеющегося бытия «я» или окружения является, как правило, одной из основных характеристик образа субъекта, осуществляющего путь-поиск.

Путь с *осуществлённой трансформацией* возникает, если мотив пути разрешается в пределах художественного пространства как приведение искателя к изменению эмоционального, социального, духовного статуса и т. д. Заметим, что произошедшая трансформация не всегда является фактическим окончанием пути. Иногда она становится одной из точек, разделяющих путь на отрезки, сам же путь может выходить за пределы хронотопа стихотворений (как в «С тобой я буду до зари...» (ПК) или в триптихе «Возвращение Одиссея» («Жемчуга», 1908 и 1918; далее – Ж), поэме «Блудный сын» («Чужое небо», 1912; далее – ЧН)).

Путь с *неосуществлённой трансформацией* возникает, когда путь производится, но приводит к «нулевой» трансформации, оказывается бесконечным, вовсе не начинается;

3) **характер оценки** трансформации (и/или пути): *положительная* (*верный*), *отрицательная* (*ложный*), *невыраженная*. Оценка обнаруживается в проявлениях сознания лирического субъекта (основного носителя сознания и речи в стихотворении [8, с. 112]) автора или персонажа (изображенного, чья судьба освещается высшим, основным носителем сознания);

4) **характер отношения** лирического субъекта, автора, персонажа к **хронотопу**, где проходит путь: *реальный/ирреальный*. Реальность хронотопа сама по себе не вносит важных для характеристики варианта мотива пути деталей, но служит оппозицией, на фоне которой выявляется ирреальный хронотоп. Важно обратить внимание, что вне ирреального хронотопа почти не функционируют некоторые варианты мотива пути (например, мотив пути-блуждания).

Комбинации критериев позволяют нам выделить следующие варианты реализации мотива пути в лирике Н. С. Гумилёва:

1) **активная реализация пути**, где трансформация может быть осуществлённой (положительная или отрицательная) или неосуществлённой, всегда предполагает самостоятельный выбор пути лирическим субъектом или персонажем:

а) так, **активный путь с осуществлённой положительной трансформацией** представлен в стихотворении «С тобой я буду до зари...» [1, с. 35] (ПК), в котором путешествующий герой представляется уже постигшим поэтическое искусство и способ вырваться в беспредельность, имеет все возможности для осуществления своего намерения

добыть высшую поэтическую мудрость (*Я тайны испытая их, / Все тайны дивных снов, / И заключу в короткий стих, / В оправу звонких слов*), чего и добивается в результате испытания борьбой.

В «**Озере Чад**» [1, с. 158–159] (РЦ, 1908 и 1918), например, классифицировать мотив пути труднее. С одной стороны, путь мотивирован искушением, т. е. воздействием на ролевого героиню извне (предложение европейца). С другой стороны, героиня не просто провоцирует искушение самостоятельно, но и сама является его источником, т. к. она по собственному желанию сосредоточивает внимание на портрете европейца (*Белый воин был так строен*) и отдаётся чувствам, вселённым в собственное сердце самостоятельно (*А когда нам шепчет сердце, / Мы не боремся, не ждем*). И только после этого в повествовании героини возникает событие предложения европейцем побега. Таким образом, все же героиня оказывается инициатором пути.

Ещё одна сложность реализации мотива пути в этом стихотворении связана с тем, что путь как физическое движение и путь как духовная эволюция, нередко мыслимые у Н. С. Гумилёва слитыми воедино, оказываются здесь разделёнными.

Так, ложный путь из первозданного «рая» в кабацкий «ад» приводит к изменению социального статуса героини: *Я ненужно-скучная любовница, / Слово вещь, я брошена в Марселе*. И это факт **осуществлённой отрицательной трансформации** субъекта пути. Однако духовная составляющая героини – верования – не меняется, о чем свидетельствуют последние два стиха: *Умереть? Но там, в полях неведомых, / Там мой муж, он ждет и не прощает*. В этом случае наблюдается факт **неосуществленной, нулевой трансформации**.

На основании этого раздвоения мотив пути в «Озере Чад» можно относить к двум пунктам классификации (нулевая или отрицательная трансформация), хотя необходимо оговориться, что в системе ценностей Н. С. Гумилёва-поэта метафорически представленное в виде пути духовное искание и изменение более приоритетно [5, с. 7];

б) **активная реализация пути с неосуществлённой трансформацией** включает две разновидности пути.

Во-первых, **отказ от пути**. Подтип характеризуется наличием *потенциальной возможности* совершить путь, неосуществление которого обусловлено *выбором героя*. Так, в стихотворении «**Маркиз де Карабас**» [1, с. 262–263] (Ж, 1910 и 1918) у героя, живущего в гармоничном мире, не возникает осознанной необходимости трансформации. Наоборот, герой стихотворения «**Я откинул докучную маску...**» [1, с. 91] (вне сборника, 1906), вступая в диалог с самим собой, обнаруживает собственное дисгармоническое мироощущение и духовную ущербность (*Разорвал я лучистые нити, / Обручавшие мне красоту*), что предопределяет его сознательный (активный) отказ от поиска.

Во-вторых, **собственно путь с нулевой трансформацией**, когда герой, пройдя путь, возвращается к прежнему состоянию. Так, в стихотворении «**В этот мой благословенный вечер...**» [3, с. 154–155] («К синей звезде», 1923) лирический субъект «мы» – «я» как носитель сознания и речи и сотворённые его воображением персонажи – пускается в путь к возлюбленной. Но путешественники так и не достигают цели, и «я» вопрошает-утверждает: «*Неужели мы вам не приснились*». Это шествие, метафорически представляющее отношения героя и его возлюбленной, которая не принимает ни героя, ни его искусства, яв-

ляется, в сущности, утверждением постоянного одиночества лирического субъекта.

Интересно стихотворение «**Колдунья**» [1, с. 198–199], основным носителем сознания в котором является авторский голос. Он изображает персонажа, колдунью, ищущую тайных знаний (*И страстно хочет, чтоб воочью / Ей тайна сделалась видна*), чей путь приводит к желанному результату (*Но тщетен зов её кручины, / Земля всё та же, что была*) и квалифицируется, таким образом, как *путь с нулевой трансформацией*.

Однако не частная драма персонажа оказывается в центре авторского внимания – колдунья практически не обладает проработанным психологическим портретом. С точки зрения автора, колдунья – это персонаж, олицетворяющий категорию поиска и искателя вообще. Участие искателей, по Н. С. Гумилёву, трагична, но вовсе не потому, что они ищут и не находят, а потому, что им не позволено искать. Финальные стихи: *И меч сверкнёт, и кто-то вскрикнет, / Кого-то примет тишина, / Когда усталая поникнет / У заалевшего окна*, являющиеся вполне прозрачной отсылкой к деятельности Святой инквизиции, становятся также обобщением жизненного пути многих ищущих. Так, мы видим второй вариант развития мотива пути в стихотворении – *трансформацию* обобщённого искателя (гибель), *опосредованную* только непредсказуемым (см. пункт 2 а), в данном случае враждебным развитием пути;

2) **неактивная реализация пути**, соответственно, не предполагает участия субъекта в выборе и иницировании пути. Внутри этого типа мы выделяем подтипы:

а) **путь поневоле, в ходе которого осуществляется трансформация**. Например, в стихотворении «**Леопард**» [4, с. 117–118] («Огненный столп», 1921; далее – ОС) героя, нарушившего когда-то обычай африканских охотников, преследует тень леопарда. Одержимый герой «приходит», видимо, во сне, хотя характер странствия нельзя определить с точностью, т. к. оно видится фантастическим с начала действия, в Африку, где встречается свою смерть. Не всегда путь поневоле вызывает неприятие героя. Например, в стихотворении «**Замбези**» [4, с. 39–41] («Шатер», 1921) предначертанная смерть (*Не боюсь ни людей, ни огня, / Ни богов... Но что знаю, то знаю*) мыслится героем необходимой и желанной дорогой к предкам (*Я мечтаю о нем беспрестанно*);

б) **путь-блуждание**. Е. Ю. Куликова называет блуждание одним из любимых мотивов Н. С. Гумилёва [6, с. 133]. Об этой реализации мотива пути говорит и О. Улокина, рассматривая отражение буддийской философии в творчестве Н. С. Гумилёва, однако исследовательница не определяет место пути-блуждания среди других реализаций мотива [9, с. 155]. Путь-блуждание часто пролегает в ирреальном пространстве без начала и конца, поэтому трансформации не происходит.

С точки зрения самого лирического субъекта, путь-блуждание бесполезен, т. к. у него нет никакого разрешения, он ориентирован на бесконечное движение. Например, в стихотворении Н. С. Гумилёва «**Стокгольм**» [3, с. 124] («Костер», 1918) герою страшно от перспективы скитаний его души (*И понял, что я заблудился навеки / В слепых*

переходах пространств и времен), не способной вернуться туда, где «струятся родимые реки».

Но, с точки зрения авторского сознания, этот подтип может иллюстрировать гумилёвскую мысль о тщетности земной жизни и невозможности прижизненно обрести гармонию, а также одновременно о поиске самого сокровенного для духовной жизни. И субъект пути-блуждания, влекомый вынужденным движением, все же осознает тоску по неопределённой и часто недостижимой цели. Например, как в стихотворении «Вечное» [2, с. 85] (ЧН), в котором мы наблюдаем перерождение пути-блуждания в путь с положительной трансформацией: блуждание в земной жизни (*Я в коридоре дней сомкнутых, / Где даже небо – тяжкий гнёт*) оборачивается путём с положительной трансформацией (*Я душу обрету иную, / Все, что дразнило, уловя*);

в) **объективно невозможный путь.** В качестве примера приведем стихотворение «Нежно небывалая отрада...» [3, с. 117] (ОС), где лирический герой ищет «тихий, тихий, золотой покой...» в смерти, но понимает, что не сможет расстаться с жизнью – настолько сильно память об обычном человеческом существовании (*Если б только никогда я не жил, / Никогда не пел и не любил*) пронизала все его существо.

Предпринятая попытка классификации не только наглядно демонстрирует и подтверждает сложность инвариантного мотива пути в лирике Н. С. Гумилёва, но и позволяет уточнить роль мотива пути в организации лирического сюжета.

Так, с одной стороны, герой может точно предвосхитить этапы пути и его результат. Такой эффект возникает обычно только в ирреальном хронотопе (сна, мечты, намерения), когда:

1) герой обладает особой мудростью, знаниями, представленными так, что они не вызывают никакого сомнения ни у автора, ни у героя. В этом случае ирреальность оказывается нерелевантной, хотя и формально выраженной (формы будущего времени глагола). В качестве примера можно привести стихотворения «Я конквистадор...» (ПК), «Путешествие в Китай» (Ж, 1910 и 1918), «Вечное» (ЧН);

2) герой избегает реальности, пересоздает её с помощью собственного сознания. Эффект игры воображения лирического субъекта может осуждаться или прямо не оцениваться авторским сознанием, однако часто он все же снимается сюжетным возвращением к реальности («Мечты» (РЦ, 1908 и 1918), «Одержимый» (Ж, 1910 и 1918)) или обнаружением авторского голоса («Старая дева» («Колчан»)), реже – появлением критической оценки у самого лирического субъекта («Я откинул докучную маску...» (вне сборника, 1906).

С другой стороны, стихотворений, где субъект поиска самостоятельно моделирует свой муть, не много. Как правило, у героя гумилёвской лирики есть только право выбора и предположения об итоге пути, но не возможность повлиять на его исход. Так происходит, например, в стихотворении «Крест» (РЦ, 1918), «Паломник» (ЧН) или поэме «Блудный сын» (ЧН).

Следовательно, влияние на характер развёртывания лирического сюжета оказывают, разумеется, авторское сознание, в меньшей степени сознание субъекта лирики и – в большинстве случаев – рассмотренные нами реализации инварианта мотива пути, который представляется как некая самоорганизующаяся сила, подобная року и далеко не всегда удовлетворяющая желаниям субъекта пути. Потому,

на наш взгляд, в стихотворениях, где присутствует мотив пути, он становится сюжетообразующим.

Попытка классификации инварианта мотива пути обнаружила невозможность его рассмотрения вне системы взаимоотношений с образом субъекта пути, а также сложный и неоднозначный характер функционирования мотива пути в лирике Н. С. Гумилёва. Так, в пространстве одного и того же стихотворения могут совмещаться несколько вариантов мотива пути, в чем мы убедились на примере стихотворений «Озеро Чад», «Колдунья», «Вечное», «Замбези».

Литература

1. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1910–1913). – М.: Воскресенье, 1998. 344 с.
2. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). – М.: Воскресенье, 1998. 502 с.
3. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Стихотворения. Поэмы (1914–1918). – М.: Воскресенье, 1999. 464 с.
4. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 4. Стихотворения. Поэмы (1918–1921). – М.: Воскресенье, 2001. 394 с.
5. Зобнин Ю. В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н. С. Гумилёва) // Н. С. Гумилев: pro et contra : Личность и творчество Н. Гумилева в оценке рус. мыслителей и исслед.: Антология. – СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1995. 671 с. С. 5–52.
6. Куликова Е. Ю. «Я заблудился навеки...»: «сюрреализм» Н. Гумилёва и А. Рембо // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 130–139.
7. Малых В. С. Духовная эволюция как тема в творчестве Н. С. Гумилёва: автореф. дисс. ... канд. филол. наук – Екатеринбург, 2013. 22 с.
8. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тармарченко. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
9. Улокина О. Тема Востока в творчестве Н. С. Гумилёва // Национальная ментальность и культура. 2003. Вып. 1. С. 153–160.
10. Филатов А. В. Аксиологический подход к изучению книги стихов: онтологические ценности в «Чужом небе» Н. С. Гумилёва // Новый филологический вестник. 2016. № 1 (36). С. 119–128.

Natalia A. LEONTIEVA

Master's Student, Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: nutruis@gmail.com

The Implementation of Motif of Path in N. S. Gumilyov's Poetry: an Attempt at Classification

UDC 82-14

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/65-71

The article seeks to provide a classification of such category of N. S. Gumilyov's lyrical poetics as the motif of Path. The impact of this category on the lyrical plot is analyzed as well. The author identifies the following elements as key aspects of relations between the image of the Seeker and the motif of Path: active/passive involvement of lyrical subject in movement along the Path, efficiency/inefficiency of pursuing the Path, evaluation of the Path and the results of the quest, the perception of chronotope reality/unreality. The classification of the implementation of motif of Path is proposed to be conducted with taking these elements in consideration. The classification presents abstract models of the implementation of motif of Path in N. S. Gumilyov's poetry, which can co-exist in concrete shapes.

*poetry,
N. S. Gumilyov,
motif,
Path,
classification,
lyrical plot*

For citation: Leontieva N. A. The implementation of motif of path in N. S. Gumilyov's poetry: an attempt at classification // Oriental Institute Journal. 2018. № 3. P. 65–71. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/65-71

References

1. Gumilev N. S. Polnoe sobranie sochinenij v 10 t. T. 1. Stikhotvoreniya. Poehmy (1910–1913). – M.: Voskresen'e, 1998. 344 s.
2. Gumilev N. S. Polnoe sobranie sochinenij v 10 t. T. 2. Stikhotvoreniya. Poehmy (1902–1910). – M.: Voskresen'e, 1998. 502 s.
3. Gumilev N. S. Polnoe sobranie sochinenij v 10 t. T. 3. Stikhotvoreniya. Poehmy (1914–1918). – M.: Voskresen'e, 1999. 464 s.
4. Gumilev N. S. Polnoe sobranie sochinenij v 10 t. T. 4. Stikhotvoreniya. Poehmy (1918–1921). – M.: Voskresen'e, 2001. 394 s.
5. Zobnin YU. V. Strannik dukha (o sud'be i tvorchestve N. S. Gumilyova) // N. S. Gumilev: pro et contra : Lichnost' i tvorchestvo N. Gumileva v otsenke rus. myslitelej i issled.: Antologiya. – SPb.: Izd-vo Rus. khristian. gumanit. in-ta, 1995. 671 s. S. 5–52.
6. Kulikova E. YU. «YA zabludilsya naveki...»: «syurrealizm» N. Gumilyova i A. Rembo // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2015. № 3. S. 130–139.
7. Malykh V. S. Dukhovnaya ehvolyutsiya kak tema v tvorchestve N. S. Gumilyova: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk – Ekaterinburg, 2013. 22 s.
8. Poehtika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatij / gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko. – M.: Izdatel'stvo Kulaginoj; Intrada, 2008. 358 s.
9. Ulokina O. Tema Vostoka v tvorchestve N. S. Gumilyova // Natsional'naya mental'nost' i kul'tura. 2003. Vyp. 1. S. 153–160.
10. Filatov A. V. Aksiologicheskij podkhod k izucheniyu knigi stikhov: ontologicheskie tsennosti v «CHuzhom nebe» N. S. Gumilyova // Novyj filologicheskij vestnik. 2016. № 1 (36). S. 119–128.